

На правах рукописи

Возчиков Дмитрий Викторович

Образы Византии и Востока в венецианском нарративе XIV–XV веков

07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира и Средних веков ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент **Куш Татьяна Викторовна**

Официальные оппоненты:

Французов Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, ФГБУН Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург), заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока;

Близнюк Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», доцент кафедры истории Средних веков

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «28» марта 2017 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д **212.285.16** на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=264446>

Автореферат разослан « » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

А. В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования определяется значительной научной и общественной востребованностью работ, рассматривающих образы одних культур и государств в представлении других. Многополярность современного мира сопряжена с необходимостью межкультурного диалога, с требованием преодоления сложившегося в западной культуре Нового времени дихотомического деления мира на Запад и Восток.

Средневековые морские республики Италии занимали нишу торгового посредника между западной, византийской и исламской цивилизациями, а к концу Средневековья именно их путешественники и картографы заложили информационную базу для Великих географических открытий. Изучение конструирования образов нелатинских культур в нарративе Венецианской республики в период апогея ее богатства и могущества позволяет взглянуть по-новому на ряд аспектов восприятия человеческими культурами друг друга.

Любая этнокультурная общность осознает себя, конструирует собственное культурное «я» через контакты с чужими, несходными с собой сообществами¹. Наибольшим разнообразием жанров историописания из итальянских морских республик отличалась Венеция. Формирование венецианской исторической памяти неизбежно сталкивалось с задачей портретирования антагониста Венеции в нарративе республики. Образный арсенал венецианского нарратива, разумеется, не сводился к конструированию представлений о Других как о военных противниках, не меньший исследовательский интерес представляют венецианские описания нелатинских государств в качестве торговых или дипломатических партнеров. Опыт Венецианской республики, в XIV–XV вв. наиболее информированного о византийском мире, о мусульманских странах и странах «Трех Индий», наиболее искушенного в дипломатических отношениях и торговле со странами Востока европейского государства, колониальной империи с многочисленным греческим населением, представляет особый исследовательский интерес в контексте эволю-

---

¹ Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5; Daniel N. Islam and a West: the Making of an Image. Edinburgh, 1960. P. 8–9.

ции, которую в указанное время претерпела система западных представлений о нелатинских культурах: Византии, мусульманском мире, христианском Востоке, цивилизациях Индии, Юго-Восточной Азии и Китая. В поле зрения исследователей венецианского Средневековья попадали многие сюжеты взаимоотношений Венеции с Византией и мусульманским Востоком, путешествия венецианцев по Азии, взаимодействия венецианской и греческой культур в Романии, однако комплексный обзор восприятия незападных обществ в венецианском позднесредневековом нарративе все еще отсутствует.

Объектом исследования является образная система различных Других в позднесредневековом венецианском нарративе. **Предмет исследования:** трансформации «византийских» и «восточных» образов в рамках нарратива Венецианской республики в XIV–XV вв.

Хронологические рамки исследования охватывают два столетия – XIV и XV вв. Нижняя граница – первые десятилетия XIV в. – определена началом формирования венецианского мифа как основы государственной идеологии Республики св. Марка, что хронологически совпало с началом пристального интереса венецианского нарратива к греческим и восточным сюжетам, с первым в венецианском историописании опытом энциклопедического историко-географического описания мира – «Книгой тайн верных Креста» Марино Санудо Старшего (1307–1321). Верхняя граница – последняя четверть XV в., ознаменовавшаяся поражением Венеции в войне с Османской империей в 1479 г., факт которого положил начало очередному сдвигу в венецианском восприятии Востока.

Территориальные рамки работы включают страны византийского мира, мусульманского, индо-буддийского и китайского культурных ареалов. Главной «точкой отчета» в ней является сама Венеция. Политические границы Венецианской республики за рассматриваемый период претерпевали существенные изменения в ходе экспансии «Светлейшей» на итальянской терраферме и войн на Средиземном море.

Цель диссертационного исследования – развернутое исследование образов Византии, христианского Востока, мусульманского мира, Индии, Юго-

Восточной Азии и Китая в венецианском нарративе XIV–XV вв. через анализ основных механизмов формирования и эволюции этих представлений.

Для достижения поставленной цели был поставлен и решен ряд **задач**:

- охарактеризован состав венецианской интеллектуальной среды указанного периода;
- выявлена специфика венецианского гуманизма, роли гуманизма в эволюции венецианских образов Византии, ислама, Индии и Китая;
- исследована эволюция венецианских образов Византии в их исторической динамике через рассмотрение в сравнительном ключе портрета Венеции в византийском нарративе и Византии – в венецианском;
- рассмотрены конструирование в венецианском нарративе образов греков венецианских колоний (в первую очередь, Крита) и влияние колониального опыта на мировоззренческие позиции венецианских интеллектуалов;
- исследованы представления венецианцев о христианском Востоке (Армения, Нубия, Эфиопия и др.) в плане религиозной инаковости;
- выявлена венецианская специфика восприятия исламского мира;
- определена степень влияния мусульманских, индийских и китайских географических традиций на описания венецианских путешественников.

Степень изученности проблемы. Изучение взаимоотношений Венеции с Византией и со странами Востока имеет давнюю традицию в мировой медиевистике. В поле зрения венециеведов неизбежно попадали сюжеты, связанные с формированием венецианских представлений о незападном мире. В частности, огромный объем научной литературы по венецианскому участию в Четвертом крестовом походе накоплен с середины XIX в.² Однако исследования не событийной канвы или экономического значения венецианско-византийских, венецианско-мамлюкских, венецианско-османских связей и венецианского присутствия на азиатских торговых путях³, а интеллектуального осмысления венецианскими lite-

² См. библиографию: Queller D. E., Madden T. *The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople / With an essay on primary sources by A. J. Andrea.* 2nd Edition. Philadelphia, 1999. P. 318–324.

³ См.: Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XIV вв. Тюмень, 1995. 225 с.; Lopez R. S. *Nouveaux documents sur les marchands italiens en Chine à*

gati этих контактов в рамках собственно интеллектуальной истории оформились сравнительно недавно.

Я. Буркхардт в классической работе об итальянском Ренессансе утверждал, что «каждый венецианец, находившийся где-нибудь в чужой стране, являлся прирожденным лазутчиком республики»⁴, правда, это примечательное наблюдение Я. Буркхардт не развивал в сторону рассмотрения источникового значения сочинений венецианских путешественников.

При всем обилии источникового материала, задействованного исследователями XX в., стойкость стереотипных представлений нескольких поколений медиевистов о малой источниковой значимости венецианских нарративных источников вследствие их «пропагандистского» характера наглядно показывает, насколько труднопреодолимы бывают историографические штампы. В частности, признанный специалист в истории венецианской Романии⁵ Ф. Тирье пришел к выводу о малой информативности венецианских хроник⁶. К. Сеттон утверждал: «По сравнению с документальными источниками венецианские хроники представляют небольшую ценность для истории Четвертого крестового похода и показывают разве что самовлюбленный настрой венецианского правящего класса»⁷. Лингвистический поворот в гуманитарном знании во второй половине XX в. привел к оформлению имагологии как самостоятельной исторической дисциплины. Из исследований второй половины XX в., посвященных интеллектуальному взаимодействию Венеции и Византии и затронувших особую роль Венеции в распространении греческого языка в ренессансной Италии и Европе в целом, а также специфики венецианского отношения к ученым византийцам, стоит отметить ра-

---

l'époque mongole // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1977. Vol. 121. № 2. P. 445–458.

⁴ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 74.

⁵ Thiriet F. *La Romanie vénitienne. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles)*. Paris, 1959. 471 p.

⁶ Idem. *Les chroniques vénitiennes de la Marcienne et leur importance pour l'histoire de la Romanie Gréco-vénitienne // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 66. 1954. № 1. P. 258–259.*

⁷ Setton K. *The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. I. Philadelphia, 1976. P. 35.*

боту Д. Джеанакоплоса⁸. Различные аспекты венецианского восприятия византийского мира нашли отражение в работах А. Пертузи⁹. Образы венецианцев в византийском нарративе находятся в поле зрения П. Чезаретти¹⁰. Труд Д. Найкола, охватывающий всю историю венецианско-византийских связей, посвящен главным образом истории дипломатии и культурных связей, однако ряд аспектов взаимного восприятия венецианцев и византийцев также нашел отражение в исследовании¹¹. Специфическое значение венецианской образной системы в качестве объекта исследования в настоящее время выделяется, главным образом, американским исследователем Т. Мэдденом¹² и румынским венециеведом Ш. Марином. Последний активно задействует математические методы при исследовании инокультурных образов и общих мест венецианских хроник, в частности, в недавней статье о развитии венецианских представлений об исламе¹³. Взаимные образы венецианцев и османов рассматриваются в настоящее время М. П. Педани¹⁴.

В целом, сюжеты, связанные с западной средневековой галереей образов иных цивилизаций от Византии до Китая¹⁵, во второй половине XX в. переживают расцвет и в мировой, и с 1990-х гг. в российской исторической науке. Этому способствуют и солидный источниковый материал (итинерарии, хроники, дипломатические документы, торговые акты и т. п.), и разнообразная методологическая база интеллектуальной истории, позволяющая осветить формирование представ-

⁸ Geanakoplos D. J. *Greek Scholars in Venice: Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe*. Cambridge, 1960. XIII, 348 p.

⁹ Pertusi A. *Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate civitatis Venetiarum» di Lorenzo de Monacis, cancelliere di Creta (1388-1428) // Italia medioevale e umanistica*. 1965. № 8. P. 162–211; Idem. *Storiografia umanistica e mondo bizantino*. Palermo, 1967. VII, 128 p.

¹⁰ Cesaretti P. *Su Estazio e Venezia // Aevum*. LXII. 1988. P. 218–227.

¹¹ Nicol D. *Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, 2002. XIV, 465 p.

¹² Madden T. *The Venetian Version of the Fourth Crusade: Memory and the Conquest of Constantinople in Medieval Venice // Speculum*. 2012. № 87, 2. P. 311–344.

¹³ Marin S. *The Venetian Republic and Islam – between Crusading Fervor and Realpolitik (9th-13th centuries)*. P. 2–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/15925508/The_Venetian_Republic_and_Islam_between_Crusading_Fervor_and_Realpolitik_9th-13th_centuries_

¹⁴ Pedani M. P. *Venetian Consuls in Egypt and Syria in the Ottoman Age // Mediterranean World*. 2006. No. 18. P. 7–21.

¹⁵ См.: Фишман О. Л. *Китай в Европе. Миф и реальность (XIII–XVIII вв.)*. СПб., 2003. 546 с.

лений о чужедальных краях с разных углов зрения. В сборнике «Венеция и Восток», вышедший в 1987 г. под редакцией итальянского сиолога Л. Ланчиотти, представлен ряд работ по тематике восприятия венецианцами и шире – итальянцами – Востока от Египта до Японии¹⁶.

Дж. Толан рассматривает тоpos об идолопоклонстве, приписываемом мусульманам в хрониках первого крестового похода, с точки зрения его «книжной» генеалогии как продукт, главным образом, внутренней логики провиденциалистского нарратива¹⁷. Ф. Кардини обращается в основном к западным интеллектуалам в целом¹⁸, и рассмотрение венецианской специфики взгляда на исламский мир в его задачи не входит. Исследования С.И. Лучицкой посвящены западным образам мусульман, конструируемым в нарративах времен крестовых походов¹⁹. В диссертации Н.С. Горелова «Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов»²⁰ дана широкая панорама образов Востока в книжной культуре средневекового Запада.

В настоящее время медиевистика активизировала разработку проблем культуры Латинской Романии (в частности, Венецианской Романии), цивилизационного пограничья между Западом и византийским миром в XIII–XV вв., по замечанию американского венециоведа М. О’Коннелл²¹. Еще одна американская исследовательница С. Макки приходит к выводу, что венецианский нарратив сознательно стремился представить венецианцев и греков колоний куда более различными по отношению друг к другу, нежели это соответствовало действительности.

¹⁶ Venezia e l’Oriente. Atti del XXV Corso internazionale di alta cultura (Venezia, 27 agosto-17 settembre 1983) / A cura di L. Lanciotti. Firenze, 1987. 441 p.

¹⁷ Tolan J. Muslims as Pagan Idolaters in Chronicles of the First Crusade // Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe / Ed. Michael Frassetto and David Blanks. New York, 1999. P. 97–116.

¹⁸ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007. 332 с.

¹⁹ Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 317–341.

²⁰ Горелов Н. С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов: автореф. дисс. ... д-ра исторических наук. СПб., 2006. 46 с.

²¹ O’Connell M. The Venetian Patriariate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // Renaissance Quarterly. Vol. 57. 2004. № 2. P. 466.

сти²². Коллективный труд, изданный в 1991 г. под редакцией Д. Холтона²³, дает развернутую картину социокультурных процессов венецианского Крита.

Отечественная историография взаимоотношений Венеции и Византии представлена, главным образом, работами Н.П. Соколова и С.П. Карпова. Фундаментальный труд Н.П. Соколова²⁴ акцентируется на социально-экономических и политических сюжетах, хронологические рамки монографии заканчиваются началом XIII в., а проблемы культурного диалога и отношения к византийцам в Венеции рассматривались автором лишь в источниковедческом контексте. С.П. Карпов рассматривает историю средневекового Средиземноморья в основном через призму развития торговли и межрегиональных связей, разрабатывает сюжеты, связанные с функционированием морских коммуникаций Республики²⁵. Недавняя работа С.П. Карпова исследует образ генуэзца как горделивого антагониста венецианца в венецианском нарративе²⁶. С.В. Близнюк разрабатывает тематику отношений Венеции с Кипрским королевством Лузиньянов.²⁷

В целом можно констатировать, что при большой степени разработанности темы образов Другого в Средневековье, целостный обзор представлений о других в венецианском нарративе пока остается историографической лакуной.

²² McKee S. *Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity*. Philadelphia, 2000. XIV, 272 p.; Idem. *The Revolt of St Tito in Fourteenth-Century Venetian Crete: A Reassessment* // *Mediterranean Historical Review*. Vol. 9 (1995). P. 173–204.

²³ *Literature and Society in Renaissance Crete* / Ed. by D. Holton. Cambridge, 1991. XII, 339.

²⁴ Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. 546 с.; См. также: он же. Венецианская доля в византийском «наследстве» // ВВ. 1953. Т. 6. С. 179–191; он же. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328 гг.) // ВВ. Т. 12. 1957. С. 75–96; он же. Колониальная политика Венеции в XIII в. // СВ. 1954. Вып. 5. С. 170–195.

²⁵ См.: Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1991. 336 с.; Он же. Латинская Романия. СПб., 2000. 256 с.; он же. Маршруты средиземноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 82–97; Он же. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. 232 с.

²⁶ Карпов С. П. *Superbia* генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов // Византийские очерки: труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византинистов. М.; СПб., 2016. С. 75–86.

²⁷ Близнюк С. В. Генуэзская Фамагуста в XV в. // Причерноморье в средние века / Под. Ред. С. П. Карпова. Вып. 4. М.; СПб., 2000. С. 219–275. Она же. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // СВ. Т. 53. 1990. С. 191–203.

Основу **источникового материала** настоящего труда составляют венецианские нарративные источники рассматриваемого периода, которые можно разделить на три большие группы: сочинения историописательской направленности, переписка и риторические труды (главным образом гуманистического толка), и отчеты путешественников.

К первой группе источников относится широкий круг сочинений, включающий хроники, энциклопедии и исторические труды гуманистического круга. Венецианский дипломат Марино Санудо Торчелло (ок. 1270–1334) в тратате «Книга тайн верных креста»²⁸, включавшем проект крестового похода против Египта под руководством Венеции, уделил значительное внимание разным странам Востока от Египта до Китая, Византии и греческим владениям Венеции.

Из хроник указанного периода первым сколько-нибудь глубоким опытом обращения к византийской истории и отчасти к истории мусульманского Востока в венецианском историописании стали труды Андреа Дандоло (1306–1354, дож в 1343–1354), «Краткая хроника»²⁹, написанная им в бытность прокуратором св. Марка и завершенная в начале догата, а также составленная им в качестве дожа «Пространная хроника»³⁰. Образ Византии его нарративе призван был играть особую роль в конструировании венецианской официальной памяти. «Краткая хроника» Дандоло была продолжена хроникой великого канцелярия Раффаино Карезини³¹ (ок. 1314–1390). Хроника Карезини примечательна особым вниманием к положению Венеции на международной арене³² и ее противостоянию с Генуей. Особенно интересны образы греков и турок в рассказе Карезини о династической смуте в империи ромеев в 1373–1379 гг.

²⁸ Sanuti Torselli Marini. Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611. 282 p.

²⁹ Andreae Danduli Chronica brevis / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. Bologna, 1940. T. XII. Partes 1–2. P. 333–373.

³⁰ Andreae Danduli Chronica per extensum descripta / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. Bologna, 1940. T. XII. Partes 1–2. P. 5–327.

³¹ Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratorius. T. XII. Mediolani, 1728. Col. 417–514.

³² См.: Witt R. In the Footsteps of the Ancients: the Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Leiden, 2000. P. 469.

Из нарративов первой половины XV в. наибольшее значение для этого исследования имеет хроника венецианского интеллектуала и канцлера Кандии Лоренцо де Моначи³³ (1351–1428), две книги которой посвящены Криту. Впрочем, по замечанию Ш. Марина, сочинение де Моначи не вполне соответствует жанру хроники в силу специфической подачи материала, не выстроенной строго по погодным записям.³⁴ Из образцов гуманистического историописания в работе уделено внимание монументальной эпопее Маркантонио Коччо (Сабеллико, 1436–1506) «Истории Венеции от основания города»³⁵ (1485–1486) и «Истории о начале града Венецианского»³⁶ сановника Бернардо Джустиниани (1408–1489). В этих сочинениях языком гуманистической традиции развиваются идеи венецианского мифа и именно с этой позиции подаются в них портреты византийцев, арабов, османов. В настоящем исследовании, помимо текстов XIV–XV вв., также привлекается ряд источников более раннего и более позднего времени в целях получения более полной картины зарождения и последующей преемственности образов венецианского нарратива. В частности, используются хроника Джованни Дякона³⁷ и анонимная «История дождей венецианских»³⁸ первой половины XIII в. С первой половины XV в. наблюдается тенденция формирования в рамках венецианской хронистики жанра хроники-дневника, к которому по многим параметрам приближается хроника патриция Джорджо Дольфина³⁹ (ок. 1396–1458). Подробная храни-

³³ Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro. Venetiis, 1758. XLVIII, 368 .

³⁴ Marin S. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources // Italy and Europe's Eastern Border (1204-1669) / Ed. by I. M. Damian, I.-A. Pop, M. St. Popovic, A. Simon. Frankfurt am Main, 2012. P. 247.

³⁵ Marci Antonii Sabellici. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita, libri XXXIII. Basileae, 1556. 1067 p.

³⁶ Bernardi Iustiniani. De origine urbis venetiarum rebusque gestis a Venetis libri quindecim // Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Ed. J. G. Graevius. Leidein, 1722. Vol. V. P. I. Cols. 1–124.

³⁷ La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronache veneziane antichissime / a cura di G. Monticolo. Roma, 1890. T. I. P. 59–171.

³⁸ Historia ducum Venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) / a cura di L. A. Berto. Padua, 1999. P. 2–83.

³⁹ Giorgio Dolfin. Cronica dela nobil cità de Venetia et dela sua provintia et destretto (origini-1458). T. II / A cura di Angela Caracciolo Aricò. Venezia, 2009. 222 p.

ка дипломата начала XVI в. Джованни Джакомо Карольдо⁴⁰ также привлечена в работе. Несколько особняком от историописательских трудов стоит «Жизнь Карло Зено»⁴¹, в котором венецианец Джакомо Зено (1417-1481) поведал историю своего деда – флотоводца Карло Зено (1333–1418), долгое время проживавшего в Византии.

Вторая группа источников охватывает различные тексты эпистолярной формы и риторические труды. В указанный период в форме послания, особенно любимой гуманистами, нередко подавались чрезвычайно развернутые тексты. В работе привлечены письма Марино Санудо Старшего, содержащие объемные комментарии на текущую политическую реальность⁴². Из венецианского гуманистического дискурса особое внимание в настоящей работе уделено эпистолярным трудам Лауро Квирини⁴³ (ок. 1420–1475/1479), включающим послания в узком смысле слова и, что характерно для гуманистической традиции, политические трактаты. В форме послания к Мехмеду II написан трактат критского гуманиста Георгия Трапезундского (1395–1472/73) «Об истинности христианской веры»⁴⁴.

Принципиальную важность для исследования образов Другого представляют тексты третьей группы – отчеты и записки венецианских путешественников. Купец Никколо Конти (ок. 1395–1469), чьи рассказы о далеких землях, сохранились в изложении Поджо Браччолини (1380–1459), беседовавшего с путешественником в 1439 г. и позднее включившего его повествование в трактат «О превратности судьбы»⁴⁵, а также в пересказе кастильского идадьго Перо Тафура (ок.

⁴⁰ Giovanni Giacomo Caroldo. Istorii Venețiene. Vol. V: Ultima parte a dogatului lui Andrea Contarini (1373-1382) / Ediție îngrijită de Șerban V. Marin. București, 2012. 248 p.

⁴¹ Vita Caroli Zeni. Rerum italicarum scriptores, XIX, 6 / Ed. L. A. Muratori. Re-ed. G. Zonta. Bologna, 1940. XVI, 167 p.

⁴² Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhang seiner ungedruckten Briefe. München, 1855. 819 p.

⁴³ Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977. 274 p.

⁴⁴ Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д. А. Поспелова. Самарканд, 2009. 272 с.

⁴⁵ Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723. XXX, 294 p.

1410–ок. 1480).⁴⁶ В отчете Никколо Конти отражена картина мира венецианского купца, проведшего многие годы в инокультурной среде арабского мира, Виджаянагара, Мьянмы и Нусантары. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть влияние венецианского мифа на рассказ Конти. Особое значение для исследования венецианских образов Африки имеет отчет Альвизе да Мосто⁴⁷ (ок. 1432–1483). Венецианский монах-францисканец Франческо Суриано (ок. 1450–1529⁴⁸) в «Трактате о Святой Земле и о Востоке»⁴⁹ уделил Эфиопии значительное внимание.

Из путешественников-невенецианцев, посещавших венецианские колонии, следует особо выделить Перо Тафура и флорентийского францисканца Кристофоро Буондельмонти (1386–ок. 1430), связанного с гуманистическим кругом и оставившего «Описание острова Кандии» (1417), в котором без особой идеологической ангажированности (по сравнению с венецианскими современниками) рассказано о городах и святынях Крита, переданы беседы автора с греками⁵⁰.

Данная работа привлекает ряд византийских и восточных источников, которые позволяют проследить восприятие венецианцев (и вообще латинян) в разных регионах мира, верифицировать данные венецианских интеллектуалов и установить происхождения ряда топонимов. Византийская словесность имела давнюю традицию изображения Других, в том числе, венецианцев. Хронологические рамки византийских источников, привлеченных в настоящей работе, не ограничены XIV–XV вв., поскольку устойчивые стереотипы о венецианцах сформировались в Византии уже в XI–XII вв. В настоящем исследовании задействованы, в частности,

⁴⁶ Тафур П. Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006. С. 95–112.

⁴⁷ См.: Мосто Альвизе да. О плаваниях мессера Альвизе да Мосто, венецианского дворянина / Пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 307–317; Navigazioni di messer Alvise da Ca da Mosto gentiluomo Veneziano // Il viaggio di Giovan Leone e le navigazioni di Alvise da Ca da Mosto, di Pietro di Cintra, di Annone, di un piloto portoghese e di Vasco di Gama quali si leggono nella raccolta di Giovambattista Ramusio. Venezia, 1837. P. 170–200.

⁴⁸ Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 2. D-Ha. Wiesbaden, 2005. P. 579.

⁴⁹ Suriano F. Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente / Ed. a cura di Girolamo Golubovich. Milano, 1900.

⁵⁰ Cornelius F. Creta sacra. Venetiis, 1755. Vol. 1. P. 77–124.

сочинения Анны Комнины⁵¹, Никиты Хониата⁵², Георгия Акрополита⁵³, Димитрия Кидониса⁵⁴, «История» Лаоника Халколондила⁵⁵. В работе задействован ряд мусульманских исторических и географических сочинений, включая «Собрание летописей» ильханского сановника Рашид ад-Дина⁵⁶, книгу Ибн Баттуты⁵⁷ и малайский династийный нарратив «Сулалат ус-салатин».⁵⁸

Актовые материалы являются дополнительными источниками для настоящей работы. В то же время, не стоит недооценивать значение актовых источников, например, с точки зрения исследования титулатуры. В данной работе используются тексты договоров Венеции с державой мамлюков, Киликийской Арменией⁵⁹, Золотой Ордой⁶⁰ и Османской империей. Из дипломатических документов использован Стамбульского мирного договора⁶¹, а также договоры Египта с Венецией и Флоренцией.⁶²

Методология исследования выстроена в соответствии с принципом историзма. **Историко-генетический метод** применен для целостного рассмотрения эволюции венецианской образной системы Других. Элементы **историко-типологического метода** позволили вычленить различия венецианского восприятия иных культур, выявить смысловые группы по цивилизационной принадлеж-

⁵¹ Annae Comnenae. Alexias. Pars I: Prolegomena et textus / Recensuerunt D. R. Reinsch, A. Kambylis. Berlin, 2001. VII, 507 S.

⁵² Nicetae Choniatae. Historia / Ed. Jan Louis van Dieten. Berlin, 1975. CXV, 655 S.

⁵³ Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2013. 412 с.

⁵⁴ Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1982. Т. 1; Idem. Stuttgart, 2003. Т. 4. VII, 326 S.

⁵⁵ Laonikos Chalkokondyles. The Histories / transl. by A. Kaldellis. Vol. I–II. Cambridge; London, 2014. 560 p.

⁵⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арденса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.;Л., 1946. 340 с.

⁵⁷ Ибн Баттута. Подарок созерцающим относительно диких городов и чудес путешествий // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 280–294.

⁵⁸ Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008. 672 с.

⁵⁹ Langlois V. Le Trésor des Chartes d'Arménie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens. Venice–Paris, 1863. 242 p.

⁶⁰ Diplomatarium Veneto-Levanticum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1880. Vol. 1. XXVI, 356 p.

⁶¹ The Peace Treaty of 1478 // Wright D. G, MacKay P. When the Serenissima and the Gran Turco Made Love: the Peace Treaty of 1478 // SV. 2007. Т. 53. P. 269–277.

⁶² Wansbrough J. Venice and Florence in the Mamluk Commercial Privileges. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1965. Vol. 28, № 3. P. 483–523.

ности стран и государей, описываемых в нарративе. **Историко-сравнительный** метод дал возможность рассмотреть общее, различия и взаимные влияния венецианских и византийских нарративов.

Настоящее исследование сосредоточено на изучении системы образов Другого относясь, таким образом, к полю имагологических исследований. Как отметил Р. Олтман, «нарратив – это не просто собрание материалов, но также и особенный метод организации этих материалов»⁶³. Очевидна необходимость осмысления нарратива в его жанровой специфике и в единстве с историческим контекстом его формирования и функционирования. В качестве теоретико-методологической основы выбран историко-антропологический подход, позволяющий дать многоплановую картину представлений человека определенной исторической эпохи.

Настоящая работа придерживается конструктивистского подхода к историческому нарративу венецианцев. Венецианский миф рассматривается как исторически изменчивый конструкт средневековой культуры. В части работы, посвященной анализу интеллектуальной среды Венецианской республики, применены достижения просопографического метода.

Положения, выносимые на защиту

1. Венецианские интеллектуалы XIV–XV вв. представляли собой гетерогенную группу по происхождению и статусу. Однако их произведения, включая тексты гуманистического круга, отличает тесная связь с официальной политической доктриной Венеции, которую, впрочем, они же создавали, развивали и транслировали во времени и пространстве.

2. Образ Византии значительно варьировался в венецианском нарративе, и в рассматриваемый период эволюция образной системы о Византии прошла длительный путь от преимущественно негативных ее характеристик, включавших, в частности, топосы о злокозненности и непостоянстве греков, до патетических описаний бедственного положения угасающей империи перед лицом османского натиска и, в конце концов, ее падения.

---

⁶³ Altman R. A Theory of Narrative. New York, 2008. P. 5.

3. Различия в конструировании венецианцами образов мусульманских стран, народов и государей были в значительной степени обусловлены политическими и торговыми задачами Венеции на каждом конкретном направлении. Хозяйственная и культурная несхожесть разных мусульманских обществ явственно осознавалась венецианцами.

4. Образы христианского Востока подавались в венецианском нарративе под углом конфессиональной инаковости в начале рассматриваемого периода. Однако если в начале периода детали «этнографического» характера у армян или нубийцев подавались в нарративе в основном в религиозном контексте, то к его концу возрос интерес к детальному описанию чужой повседневности.

5. В политическом плане для венецианского нарратива всего исследуемого периода характерно стремление представить страны и христианского Востока, и «Трех Индий» в качестве потенциальных союзников против той или иной мусульманской державы либо ислама в целом. В то же время на примере образов христианской Африки видна тенденция к смыканию дискурсов христианского Востока и Индии в венецианском нарративе, усилившаяся к концу периода.

6. Тексты венецианских путешественников демонстрируют значительную открытость к влиянию со стороны восточных традиций, в первую очередь, мусульманской географической литературы.

7. Схема «христиане – сарацины – язычники», доминировавшая в венецианском нарративе в начале изучаемого периода, к его концу в связи с влиянием гуманизма вытесняется оппозицией культуры и варварства.

Научная новизна настоящей работы состоит в комплексном исследовании венецианской системы образов и представлений о других как символически значимого компонента венецианской средневековой идентичности, важной части интеллектуальной мифологии Венеции.

Практическая значимость данного диссертационного исследования состоит в возможности применения его результатов в учебном процессе в высших учебных заведениях. В частности, разработки диссертации могут быть использо-

ваны при разработке лекционных и семинарских курсов по истории Средних веков, истории Византии, истории Азии и Африки в Средние века, при составлении соответствующих методических пособий, справочников и энциклопедий.

Апробация материалов и выводов исследования осуществлялась в форме докладов на всероссийских и международных научных конференциях по медиевистической, востоковедной и византийской тематике. Различным сюжетам, рассматриваемым в диссертации, были посвящены доклады и сообщения на II Съезде молодых востоковедов стран СНГ (Баку, 2013), Международной научной конференции «Ломоносов 2014» (Москва, 2014), конференции «Общество и государство в Китае» (Москва, 2014, 2016), конференции «Китай: история и современность» (Екатеринбург, 2013, 2015), «Маклаевских чтениях» (Санкт-Петербург, 2014), школе-конференции «История востоковедения: традиции и современность» (Москва, 2014), «Власть и насилие в незападных обществах» (Москва, 2015, 2016), школе-конференции молодых византийцев «NEANIAI» в НИУ ВШЭ (Москва, 2015), на конференции «Новые имена в медиевистике» (Тюмень, 2014), XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2015), Всероссийских востоковедных чтениях памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 2013, 2014, 2015), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015), на Международном конгрессе медиевистических исследований (International Medieval Congress) в Университете Лидса (Leeds, 2015), конференции «Scholia studiosorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 2016), на XXIII Международном конгрессе византийских исследований (23rd International Congress of Byzantine Studies 2016) в Белграде (Beograd, 2016).

Структура диссертации: работа состоит из введения, заключения, четырех глав, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обозначена актуальность исследования, цели, задачи, предмет, объект, определены хронологические и территориальные рамки исследования,

даны историографический обзор и характеристика источников, отражены новизна, практическая значимость, достоверность и апробация диссертации.

В первой главе «Венецианские *literati* треченто-кватроченто: социально-антропологический портрет» рассматривается динамика венецианской интеллектуальной среды обозначенного периода, характеризуется состав этой группы по критериям локального и социального происхождения, государственной службы, наличию либо отсутствию духовного сана, связям с университетской средой, вовлеченности в гуманистическое движение.

Учитывая гетерогенность среды авторов венецианского нарратива, представляется оправданным именование обозначенного ракурсом настоящего исследования круга интеллектуалов Венеции более широким термином *literati*. Для Венеции XIV–XV вв. с ее колониальной империей и наиболее мощным в Европе бюрократическим аппаратом, который в основном сложился уже к первому десятиетию XIV в., фигура светского сановника-интеллектуала становилась вполне органичной. Одним из крупнейших историописателей XIV в. был Андреа Дандоло, сначала прокуратор св. Марка, затем – дож. Искусство составления документов становится в данное время наследственным делом светских нотариусов. Служащие из среды нотариусов предпочитали родниться с образованными семьями идентичного или сопоставимого социального статуса, что прослеживается на примере биографии Лоренцо де Моначи. При этом канцелярская среда Венеции оказалась достаточно открытой для выходцев из других регионов Италии. Показательна история Раффаино Карезини, кремонца по происхождению, занявшего высший ненобильский магистрат великого канцелярия и впоследствии пожалованного в нобилитет. Невенецианцы и даже ненобили, подобно Сабеллико, встречались также в среде венецианских гуманистов.

Роль проводника гуманистического движения для Венецианской республики выполняли города *террафермы* и, в частности, Падуя, аннексированная Венецией в 1405 г. Несмотря на несколько запоздалое начало гуманистических штудий в Венеции, венецианские гуманисты быстро адаптировались к формам ученого общения, ставшим традиционными для гуманистов *террафермы*. Венецианским

гуманистам греческие рукописи были обычно доступнее, чем невенецианцам, поэтому последние нередко получали ценные манускрипты от своих венецианских корреспондентов.

Большинство венецианских гуманистов – выходцы из нобильских фамилий. Один из архитекторов венецианского мифа Лауро Квирини стремился выдать существовавшие в его время социальные порядки Венеции за извечные. Квирини полемизировал с Поджо Браччолини, отстаивая наследственный характер добродетели на примере своего «счастливейшего» отечества. Гуманист и член Совета Десяти Бернардо Джустиниани (1408–1489) стремился представить Венецию не только Новым Римом, но и Новым Иерусалимом.

В целом, интеллектуалы Венецианской республики XIV–XV вв. представляли собой весьма гетерогенную группу. Среди них были первые лица Республики и люди, не сделавшие серьезной политической карьеры. Венецианские авторы, подобно Марино Санудо Старшему, за свою жизнь нередко успевали пройти несколько ролей: купца, сановника, дипломата Республики.

Вторая глава **«Византийский мир в венецианской традиции»** посвящена эволюции образа Византии и греков венецианских колоний в нарративе Республики. В первом параграфе **«Венецианцы о Византии и византийцы о Венеции в XIV–XV вв.»** рассматривается историческая динамика венецианских представлений о Византии в указанный период, в сравнительном ключе дается сопоставление венецианского образа ромеев и византийского образа венецианцев.

Образ одного из главных венецианских Других – Византийской империи – был важным элементом формирования венецианской идентичности, в официальном нарративе Республики, в котором вплоть до первой половины XV в. «Константинопольская империя» занимала, главным образом, место исторического антагониста. В сочинениях венецианцев, начиная с хроник Андреа Дандоло, выстраивался ряд символически значимых вех этого противостояния: противостояние Византии и Венеции норманнам Роберта Гвискара – кризис 1171 г. – Четвертый крестовый поход – отвоевание Константинополя греками. Ретроспективный взгляд венецианцев на историю Византии XI–XII вв. характеризуется негативиз-

мом в отношении рода Комнинов, особенно – Мануила. Согласно хронике де Моначи, упадок могущества Константинополя начался с приходом династии Комнинов, «столь неблагодарной венецианцам». По мере упадка Византии Палеологов в венецианском нарративе формируется тренд на изображение империи ромеев скорее объектом влияния более сильных акторов, чем сколько-нибудь мощной державой: уже для Санудо Старшего Византия была, в первую очередь, объектом экспансии Венеции – либо в качестве цели прямого покорения, либо в положении зависимого союзника, Карезини видел ее ареной соперничества Венеции, Генуи и османов. В эпоху гуманизма тренд в восприятии Византии меняется на представление об общности в составе христианского мира, которое отстаивал Лауро Квирини. Для последнего особой значимостью обладала идея осознания общности и для Венеции, и для Константинополя ценности изящного античного слова.

В целом, ключевую роль в переходе от противопоставления в венецианском нарративе венецианцев и греков к акценту на общности с ними в составе христианского мира и признанию их сопережниками Римской империи сыграла османская экспансия. Место главного Другого в венецианском дискурсе отныне прочно заняла Османская империя.

Во втором параграфе главы **«Венецианская Романия: взгляд из метрополии»** рассматривается образ греческих подданных Республики св. Марка. Изображение греков колоний, в первую очередь, Крита, в указанный период обычно сводилось к уничижительным характеристикам, констатации их несходства с венецианцами и «природной» нелояльности. Сближение между рядом венецианских родов и архонтами Крита в XIV в. рассматривалось в негативном свете. В частности, де Моначи писал об этом процессе, уже свершившемся в его времена, как о падении нравов венецианской знати на Крите, уподобившейся грекам, и этим падением нравов объяснял причины восстания венецианской знати Крита в союзе с архонтами в 1363–1368 гг.

В целом, Венецианская Романия была главным имперским опытом «Светлейшей», и именно с этой точки зрения венецианские колонии рассматривались в трудах интеллектуалов Республики. Более других колоний в венецианском дис-

курсе присутствовал Крит – остров, владение которым до османского завоевания 1669 г. определяло венецианскую великодержавность. Венецианские интеллектуалы не скупились на похвалы острову, называя его то «оком и десницей Республики», то «прочнейшим основанием венецианской империи», однако греки, составлявшие подавляющее большинство населения Крита и других колоний, изображались обычно либо просто «схизматиками», либо вероломными врагами, которым венецианцам не следовало доверять. Отношение к колониям в текстах венецианских авторов показывает тесную связь нарратива с политикой Венеции. С началом османской экспансии это отношение венецианского дискурса к грекам – синхронно с завершением процесса синтеза элит в Венецианской Романии – претерпело эволюцию в сторону изображения общности латинян и греков перед лицом экспансии Османской империи.

Третья глава «Христианский Восток глазами венецианских интеллектуалов» исследует образы народов христианского Востока в венецианском нарративе XIV–XV вв.

В первом параграфе главы «Образ Киликийской Армении в Венеции» проанализировано представление позднесредневекового венецианского нарратива о последнем независимом армянском государстве Средних веков.

Хорошо информированный о делах в армянском царстве Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как транзитера товаров из Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии в Европу в обход владений египетских мамлюков. Описывая геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности бестиарному коду, изобразив Армению терзаемой четырьмя соседями – Львом (ильханами), Барсом (мамлюками), Волком (турецкими эмиратами) и Змеей (пиратами). Санудо, вероятно, понимал уязвимость этого государства. Санудо строил ряд сюжетов своего трактата на данных армянского принца Хетума, подвизавшегося при папской курии, и именно через него в «Книгу тайн верных креста» проник ряд сюжетов армянского нарратива, в том числе, рассказ о договоре царя Хетума с ханом Мункэ.

В более поздних венецианских хрониках Армения уже не занимала существенного места и фигурировала как объект конкуренции Венеции и Генуи.

Во втором параграфе главы «Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов» исследование сосредоточивается на образах христианской Нубии и Эфиопии у венецианских авторов.

Представления венецианцев о христианах Эфиопии, Макурии и Алоа в XIV–XV вв. во многом определялись господствовавшими в средневековой географии идеи о закрытости Индийского океана и, следовательно, о сухопутной связи между Африкой и Южной Азией.

Если у Санудо главным государством христиан Африки представлена Нубия, рассматриваемая им как возможный союзник против мамлюков, то в последующую эпоху, последовавшую за исламизацией Нубии с 1310-х гг., «полномочным представителем» христианской Африки в венецианском нарративе стала Эфиопия.

Конфессиональная инаковость африканских монофиситов подчеркивалась в трактате Санудо, причем даже такая практика, как скарификация лица у нубийцев, рассматривалась венецианцем через дискурс ереси. К концу XV в. влияние гуманистического дискурса проявилось в подаче «этнографических» данных об Эфиопии в пространстве скорее сопоставления их с повседневной жизнью Италии, нежели сугубо религиозном контексте. Общим для всего периода является представление о религиозном рвении «черных христиан».

На ментальной карте венецианцев Эфиопия и Нубия (до ее исламизации) находились одновременно в христианском мире, несмотря на указания авторов на их конфессиональную инаковость, и в области «Индий», на крайнем пределе ойкумены.

В целом, восприятие Эфиопии и Нубии в сочинениях венецианских интеллектуалов XIV–XV вв. варьировалось от патетической картины черных христиан, гонимых египетским султаном, до характеристики эфиопов как людей грубых и диких. В одном и том же произведении могли сочетаться сочувствие гонимым христианам и критика их еретических, с точки зрения католика, воззрений.

Нубийцы и эфиопы в венецианских источниках представляли на разных уровнях инаковости. При этом, несмотря на всю сложность образа «черных христиан», во всех рассмотренных венецианских произведениях они представляли именно христианами, частью, пусть и далекой, христианского мира.

В поле зрения четвертой главы диссертации «**Венецианский ориентализм**» находятся страны мусульманского мира и область «Трех Индий», к которой в средневековой Европе обычно относили весь регион Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Первый параграф главы «**Эволюция образа исламского Востока в Венеции**» отведен под рассмотрение динамики образов ислама и различных мусульманских государств (державы мамлюков, государства Хулагуидов, Золотой Орды, малоазиатских бейликов, Османской империи, империи Мали) в венецианском нарративе.

Наиболее опытное в отношениях со странами мусульманского Востока европейское государство, Венецианская республика не была склонна рассматривать мир ислама, пределы которого за рассматриваемый период значительно расширились, как неделимое чуждое христианскому миру целое. Для сочинений интеллектуалов «Светлейшей» важной задачей было обеспечение сочетания нормативного для средневековой западной словесности негативизма в отношении ислама как такового и принятия объективной ситуации широчайшей вовлеченности венецианцев в торговые дела с различными государствами мусульманского мира.

Еще одной насущной для венецианских авторов задачей, особенно, в XV в., было объяснение причин успехов исламской экспансии, поглотившего обширные инокультурные пространства от Византии до Суматры, и, в первую очередь, – масштабов османской мощи и ее угрозы для самой Республики.

Венецианские интеллектуалы дифференцировали образы мусульманских государств и подчеркивали наличие хотя бы одного из них, с каковым возможно было бы вести активную торговлю или заключить союз против другой державы. Так, Санудо настаивал на торговой блокаде мамлюкского Египта (он считал Египет «сердцем и жизнью сарацин»), отмечал тесные связи мамлюков с ханом Узбе-

ком) и предполагал возможность союза Венеции и других европейских государств с ильханами против мамлюков. Именно в таком ключе венецианский нарратив был склонен рассматривать различные средневековые державы, контролировавшие Иран, – от ильханов до Ак-Куйунлу (у Иосафата Барбаро, в частности). В описании стран Западной Африки, некогда подвластных державе манден-манса Мали, у да Мосто прослеживается дифференциация народов по степени усвоения ими ислама.

Венеция даже тогда, когда она была существенно потеснена на Востоке османами и новыми европейскими игроками, сохраняла авторитет сведущей в «турецких делах» державы, играла значительную роль и в левантийской коммерции. В целом, образы мусульманского мира в венецианском нарративе были достаточно дифференцированы.

Второй параграф главы **«Три Индии»: венецианский взгляд** рассматривает восприятие венецианцами Индии, Юго-Восточной Азии и Китая.

Уже в начале XIV в. для венецианского нарратива было характерно представление, что подлинный источник богатств Востока – Индия, а мамлюки богатели лишь на транзите индийских и китайских товаров. Топос о китайцах как наиболее искусных мастерах мира проникает в трактат Марино Санудо не через Марко Поло, а через труд принца Хетума.

Представления венецианцев гуманистического круга XV в. о странах «Индий» рассматриваются, главным образом, на примере отчета знатного венецианского купца Никколо Конти, записанного Браччолини. В отчете подчеркивалось сходство между реалиями стран, в которых побывал путешественник, и христианским миром. Не религия, а городская культура являлись в отчете Конти основным критерием положительного отношения к Другому. Китай и Юго-Восточная Азия помещены Конти–Браччолини на вершину культурной иерархии «по образу жизни и государственным обычаям», на один уровень с европейцами. В то же время, Конти воспроизвел ряд топосов мусульманской географической традиции и некоторые элементы индо-буддийского политического лексикона.

Противопоставление «христиане–язычники» вытесняется оппозицией культуры и варварства. Собранные Конти данные о Востоке имели большое значение в деле приращения географического знания европейцев, оказали влияние на формирование ренессансного дискурса о Востоке.

В заключении подводятся итоги исследования.

В XIV–XV вв. в сообществе венецианских *literati* формируется венецианский миф, причем формируется он неизбежно не только в качестве продукта венецианской саморефлексии, но и идейного комплекса, снабженного богатой галереей Других. Авторы венецианского нарратива указанного периода, несмотря на весьма неоднородное происхождение и статус, все же составляли цельную интеллектуальную среду. Влияние идеи превосходства и совершенства венецианской государственности прослеживается даже в отчетах таких «рядовых» носителей венецианского мифа, как купцы-путешественники. Венецианский гуманизм, несмотря на его позднее, по сравнению с флорентийским, оформление, активно развивал венецианскую политическую мифологию, а его влияние на «византийские» и «восточные» образы венецианского нарратива проявилось, главным образом, в переходе от религиозного кода инаковости к культурному.

Византийский мир присутствовал в венецианском нарративе XIV–XV вв. на двух уровнях: собственно государства ромеев, «Греческой империи», и греков в колониях Венеции – носителей византийской православной культуры, оказавшихся под властью Республики после раздела византийского наследства в 1204 г. Венецианская Романия была не просто областью живой греческой культуры во владениях Венеции, но и одним из этапов *curus honorum* многих чиновников Республики, и образы постоянно бунтующих архонтов, монахов и крестьян вносились в нарратив колониальными администраторами с целью обеспечить лояльность венецианцев колоний метрополии. Образ Византии прошел в указанный период венецианского нарратива длительный путь от образа исторического антагониста Венеции до гуманистической картины стремительно угасающей империи с богатой словесностью, гибнущей под ударами «варваров».

Мусульманский мир в венецианском нарративе был гетерогенен, и при сохранении общеевропейского негативного образа ислама в целом, у венецианских авторов образы мусульманских стран варьировались по разным критериям, причем обычно в наиболее благоприятном свете представляли те, в союзе с которыми венецианцы в конкретный момент нуждались. Широко вовлеченные в торговые связи в самом мусульманском мире венецианцы знакомились с арабско-персидской географической традицией. Особенно велика степень влияния мусульманских концептов на описания Азии и Африки у путешественников Никколо Конти и Альвизе да Мосто.

За рассматриваемый период в венецианском нарративе роль главного Другого по отношению к главному герою этого нарратива – венецианскому государству – перешла от Византии (и шире – грека) к Османской империи (и шире – турку). Этот процесс был обусловлен не только объективными геополитическими переменами (крах *Paq Mongolica* – угасание Византии – экспансия османов и др.), но и формированием венецианской традиции гуманистических штудий, взаимодействием греческой и венецианской интеллектуальных сред.

Выполненное исследование венецианской образной системы Византии и Востока открывает перспективу рассмотрения «византийских», «мусульманских» и «индийских» образов венецианского нарратива на более широком временном отрезке, включающем и более ранний средневековый период, и раннее Новое время. Данный ракурс исследования позволяет определить степень преемственности сюжетов нарратива за все время его функционирования, выявить наиболее стойкие представления о Других. Представляется перспективным использование результатов исследования в изучении в сравнительном ключе особенностей представлений о Востоке и Византии в западных средневековых нарративах.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

Статьи, опубликованные в научных рецензируемых журналах, определенных ВАК:

1. Возчиков, Д. В. Религиозные практики Индии и Юго-Восточной Азии в отчете венецианского путешественника XV в. / Д. В. Возчиков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (127). – С. 210–223. (1 п. л.)
2. Возчиков, Д. В. Слоны и бубенчики: государства Мьянмы глазами итальянских путешественников XV в. / Д. В. Возчиков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 44-56. (1 п. л.)
3. Возчиков, Д. В. Династическая смута в поздней Византии глазами великого канцелярия Венецианской республики / Д. В. Возчиков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (151). – С. 92-102. (0,9 п. л.)
4. Возчиков, Д. В. Felicissima Venetia: венецианский миф в сочинениях гуманиста Лауро Квирини / Д. В. Возчиков // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 3 (52). – С. 6-13. (0,7 п. л.)
5. Возчиков, Д. В. На перекрестке бестиарных традиций: животный мир «трех индий» глазами венецианца XV в. / Д. В. Возчиков // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2016. – Т. 7, выпуск 6 (50) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840001509-8-1> (дата обращения: 13.12.2016). (1,2 п. л.)

Другие публикации:

6. Возчиков, Д. В. Крит в контексте венецианско-византийских отношений XIII века / Д. В. Возчиков // Человеческое, слишком человеческое: проблема статуса гуманитарного исследования в XXI веке. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции студентов – стипендиатов Оксфордского Российского Фонда. Екатеринбург, 10–12 апреля 2013 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 10-12. (0,18 п. л.)
7. Возчиков, Д. В. Путешествие по Востоку генуэзского купца конца XV в. / Д. В. Возчиков // Медиевистика: новые имена: Материалы I межрегиональной

- научно-практической конференции. – Тюмень: Издательский дом "Титул", 2014. – С. 27-33. (0,3 п. л.)
8. Возчиков, Д. В. Из истории ренессансного ориентализма: религиозная картина Индии в отчете венецианского путешественника Никколо Конти / Д. В. Возчиков // Восточные общества: традиции и современность. Материалы II Съезда молодых востоковедов стран СНГ. Баку, 11-14 ноября 2013 г. – М.; Баку: Центр Стратегических Исследований при Президенте Азербайджанской Республики, 2014. – С. 101-109. (0,5 п. л.)
  9. Возчиков, Д. В. *Ultra Macinum provincia est omnium praetantior*: Китай в отчете венецианского путешественника Никколо Конти // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Часть 1. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 96-104. (0,46 п. л.)
  10. Возчиков, Д. В. Философы или жрецы? Брахманы в описании венецианского путешественника Никколо Конти / Д. В. Возчиков // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т. В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. – СПб.: Издательство А. Голода, 2014. – С. 347-353. (0,5 п. л.)
  11. Возчиков, Д. В. *Constantinopolis, urbs imperiosa*: образ Византии в трудах венецианского гуманиста середины XV в. / Д. В. Возчиков // Медиевистика: новые имена: мат. II межрегиональной науч.-практ. конф. (27 октября 2015) / отв. ред. А. Г. Еманов. – Тюмень : ИД «Титул», 2015. – С. 85-91. (0,3 п. л.)
  12. Возчиков, Д. В. Из Китая в Индокитай: путь одного географического термина в итинерарии венецианского купца XV в. / Д. В. Возчиков // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл. : А. И. Кобзев и др. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 163-176. (1,2 п. л.)
  13. Возчиков, Д. В. Царство Пресвитера Иоанна или оплот еретиков? Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов / Д. В. Возчиков // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Вып. 6. – С. 202-215. (1,2 п. л.)

14. Возчиков, Д. В. Государство Пегу в XV в.: взгляд венецианца и генуэзца / Д. В. Возчиков / Д. В. Возчиков // История востоковедения: традиции и современность: (Материалы II всероссийской школы-конференции) / отв. ред. И. Х. Миняжетдинов; М. А. Пахомова / Отдел аспирантуры ИВ РАН. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 212-224. (0,5 п. л.)
15. Возчиков, Д. В. «Бирманские бубенцы», слоны и птицы: некоторые аспекты восприятия средневековых государств Мьянмы в Европе и Китае / Д. В. Возчиков // Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. — С. 43-51. (0,5 п. л.)
16. Возчиков, Д. В. Византийские образы в венецианском политическом мифе первой половины XV в.: Хроника Лоренцо де Моначи / Д. В. Возчиков // CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения: научный альманах, посвященный проблемам исторической антропологии. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. – Вып. 8. – С. 206-217. (0,7 п. л.)
17. Возчиков, Д. В. Государство философов и смеющийся государь: правители Индии и Юго-Восточной Азии глазами венецианских путешественников XV– XVI вв. / Д. В. Возчиков // Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения: сборник статей / Под ред. Г. В. Лукьянова, А. Л. Рябилина, С. А. Рагозиной, И. А. Артемьевой, В. О. Белевцовой. – М.: Издательство ГБПОУ Московский государственный образовательный комплекс, 2016. – С. 158-167. (0,7 п. л.)

Общее количество публикаций по теме диссертации – 43.